

О.А. Борзунова

КОДИФИКАЦИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ольга Борзунова

**Кодификация налогового
законодательства России.
Научно-практические аспекты**

«Юстицинформ»

2010

Борзунова О. А.

Кодификация налогового законодательства России. Научно-практические аспекты / О. А. Борзунова — «Юстицинформ», 2010

ISBN 978-5-7205-1058-9

Налоговый кодекс Российской Федерации применяется уже более 10 лет. Каковы результаты его реализации, и куда движутся изменения – вопросы, которые задают себе многие ученые и практики. У НК РФ особое место. Это единственный кодекс, который читают и экономисты, и юристы, маститые ученые и предприниматели. Также и ругают его почти все. В монографии сделана попытка ответить на вопросы: почему именно кодифицированный акт регулирует налоговые отношения. Какой у него особый правовой статус, чем он выделяется среди иных форм права? Книга рассчитана на ученых-юристов, студентов и преподавателей, государственных служащих, а также всех тех, кого интересует развитие налогового права в России.

ISBN 978-5-7205-1058-9

© Борзунова О. А., 2010

© Юстицинформ, 2010

Содержание

Введение	5
Глава 1	10
1.1. Понятие кодификации в праве, ее генезис и история	10
1.2. Место кодификации в систематизации законодательства, ее принципы и виды	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Александровна Борзунова

Кодификация налогового законодательства России.

Научно-практические аспекты

*Человечество создало 35 миллионов законов, и все только для того,
чтобы заставить людей исполнять десять заповедей Божьих.*
Берт Мастерсон (Wall Street Journal)

Введение

Кодификация налогового законодательства в России обусловлена рядом факторов.

Первое. Налоговое законодательство, несмотря на принятие единого кодифицированного акта – Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), остается нестабильным, а по ряду проблем правового регулирования налоговых отношений – противоречивым. Сохраняются попытки под благовидными предложениями политической и экономической целесообразности, борьбы с кризисом и т. д. вносить изменения в законодательство о налогах и сборах, с нарушением процедуры, предусмотренной НК РФ. А нередко функцию трактования и комментирования налоговых норм, выработку рекомендаций по их исполнению берет на себя Министерство финансов Российской Федерации (далее – Минфин), широко использующее практику рассылки писем по налоговым проблемам, юридическая обоснованность которых по меньшей мере спорна. В связи с этим чрезвычайно актуальна объективная и всесторонняя оценка состояния систематизации налогового законодательства в современной России, определение дальнейших задач в области его кодификации, определение наиболее юридически обоснованных способов ее осуществления.

Второе. В современной юридической науке России до сих пор отсутствует концептуальное единство по ряду ключевых проблем и понятий современного налогового права. Нет официальной концепции развития налогового законодательства, идет дискуссия по поводу методологических ориентиров его систематизации, нет научно обоснованной модели кодификации налогового законодательства, нет согласия ученых, законодателя, практиков по отношению к международному и зарубежному опыту развития и кодификации налогового законодательства. Такого рода пробелы и плюрализм в налоговом праве существенно затрудняют решение практических и научных задач в налоговой сфере, делая тему исследования актуальной и важной.

Третье. В научной юридической литературе, посвященной налоговой сфере, по существу, нет комплексных исследований, посвященных разработке проблемы кодификации. Кодификация налогового законодательства в современной России находится на обочине исследовательского внимания. Между тем в период серьезных исторических перемен кодификация законодательства в странах романо-германской правовой системы играла весьма важную роль в совершенствовании правового регулирования общественных отношений. В странах Западной Европы, в СССР в XIX–XX вв. не раз осуществлялись обширные кодификации законодательства, его интеграции и унификации. Таковы Гражданский кодекс Франции 1804 г. и Основы законодательства СССР и союзных республик.

В современном мире значение кодификации значительно возросло, ибо, во-первых, кодификации подвергаются многие отрасли стремительно обновляющегося законодательства; во-вторых, в орбиту кодификации вовлечены закрепленные в Конституции Российской Феде-

рации (далее – Конституция РФ) ценности так называемого естественного права; в-третьих, в ходе кодификации внутригосударственного законодательства в кодифицированные акты включается большое количество имплементированных принципов, норм и положений международного права. Можно констатировать, что ныне кодификация приобретает все более гуманитарную и универсальную направленность, содействует унификации законодательства на основе верховенства общечеловеческих и национальных ценностей.

Четвертое. В Российской Федерации кодификация, выходя за рамки обычной систематизации, активно выполняет правотворческие функции. Она проходит параллельно с правотворчеством, выступает его формой. Неотъемлемая роль кодексов в формировании структурных компонентов правовой системы. Кодексы в системе права приобрели качество главенствующих законов в соответствующей отрасли законодательства, а их верховенство – залог материализации ценностей правовой государственности.

При этом в условиях интенсивного законотворчества вопросы качества и эффективности законов и обеспечения их верховенства становятся особенно актуальными. С одной стороны, принятие за короткий срок огромного количества кодифицированных актов в виде кодексов, уставов и положений – свидетельство большой значимости кодификации как формы правотворчества. Но, с другой стороны, острота проблем, связанных с качеством кодифицированных актов и эффективностью действующего законодательства, не только не снимается с повестки дня, но и имеет все большее значение.

Пятое. Активная кодификационная деятельность стала одним из определяющих направлений проводимой налоговой реформы в Российской Федерации. Этим также обусловлены важность и актуальность научного анализа практики проведения кодификационной деятельности в налоговой сфере и разработки рекомендаций по ее усовершенствованию.

От эффективности процессов кодификации, унификации и гармонизации норм налогового законодательства зависит «восприимчивость» российской налоговой системы к динамичным изменениям условий мировой торговли и мировых финансов. Эти процессы сопровождаются выработкой международными экономическими организациями и независимыми ассоциативными структурами различных типовых, модельных кодексов и актов, включая налоговые, которые должны содействовать сближению налогово-правовых режимов различных государств в условиях единого мирового торгово-экономического пространства.

Актуальность темы обусловлена необходимостью с научных позиций показать особенности процессов кодификации и унификации норм российского налогового правового регулирования.

Шестое. Актуальность темы обусловлена тем, что процессы кодификации и гармонизации налоговых норм требуют особого внимания ввиду неполноты учета законодателем влияния общепризнанных мировых норм на российское налоговое законодательство.

Новые условия, ориентиры и направления общественного развития, при которых осуществляется кодификация, новые ее формы и направления, важность информационно-коммуникативной, интегративной роли кодификации в современном обществе, а вместе с тем интенсивное законотворчество и связанное с этим требование обеспечения качества кодифицированных актов, особенно кодексов, их верховенства в правовой системе, способствовали появлению ряда новых актуальных проблем теории и практики кодификации, которые требуют своего решения. Попытка решить ряд этих проблем предпринята в настоящей работе.

В налоговом праве вопросы теории и практики кодификации были предметом исследования многих советских и российских авторов, внесших большой вклад в разработку ее теоретико-методологических основ. Общетеоретические вопросы кодификации анализировались С.С. Алексеевым, Д.А. Керимовым, Н.П. Колдаевой, А.В. Мицкевичем, А.С. Пиголкиным, С.В. Полениной, Т.Н. Рахманинов А.Ф. Шебановым и др.

Проблемы соотношения правотворчества, систематизации и кодификации нашли отражение в научных работах Д.А. Ковачева, Н.П. Колдаевой, А.В. Мицкевича, А. Нашиц, С.В. Полениной, Т.Н. Рахманиной, Р.О. Халфиной и др. Теоретические проблемы правотворческой техники и ее применения в кодификационной деятельности, кодификационная техника составили предмет анализа А.Н. Иодковского, Д.А. Керимова, И.Б. Усенко и др. Вопросы теоретических основ кодификационной деятельности широко исследованы в учебниках и научных работах А.Б. Венгерова, Л.С. Галесника, М.Н. Марченко, М.С. Студеникиной и др. Понятие и система нормативных правовых актов были глубоко изучены М.Н. Марченко, А.В. Мицкевичем, С.В. Полениной, И.С. Самощенко, Ю.А. Тихомировым и др.

Специально проблемам кодификации законодательства Российской Федерации, ее формам, видам и тенденциям развития российского законодательства на современном этапе посвящено исследование Т.Н. Рахманиной.

Несмотря на достаточно большой объем работ, посвященных теории и практике кодификации законодательства России, проблемы кодификации налогового законодательства практически не исследованы.

Остается неразработанной концепция развития законодательства о налогах и сборах, отсутствует единая модель кодификации налогового законодательства, нет комплексного анализа тенденций изменения Налогового кодекса.

Принятые в последние годы кодифицированные акты Российской Федерации, характер вносимых в них изменений, их полезность, квалифицированная оценка технико-юридического качества также еще не были предметом монографического научного исследования. Можно прямо сказать – в научном сознании интерес к кодификации явно недостаточен. Между тем кодификация законодательства – одно из базовых условий его стабильности и качества. При этом на сущность кодификационной работы накладывают свой отпечаток национальные, культурные, исторические, демографические, психологические и иные особенности. Сегодня все активнее проявляется воздействие на кодификационный процесс и социальных институтов, важную роль играют международные факторы. На общем фоне все более наглядным становится тесное переплетение объективных, обоснованных, долговременных оснований кодификации законодательства и оснований субъективных. Все очевиднее, что повышение качества правового регулирования, качества закона невозможно без четкой, научно обоснованной концепции кодификации законодательства¹.

Обобщенный анализ имеющихся публикаций свидетельствует о следующих отчетливо проявившихся тенденциях:

а) исследования, как правило, весьма жестко привязаны к той или иной отрасли законодательства, к тому или иному кодификационному акту;

б) динамика кодификационного процесса в целом обычно остается «затененной», поскольку отдельные исследователи и временные творческие коллективы анализируют развитие либо отдельных норм кодексов, либо конкретных их институтов;

в) взаимосвязи между крупными, определяющими, фундаментальными «кодификационными блоками» государства нередко оказываются незамеченными. Имеющиеся разработки зачастую ограничиваются лишь указанием на взаимодействие этих блоков с акцентом на иерархические связи. На содержательной стороне многообразия иных взаимосвязей авторы внимания не останавливают. Далеко не все виды возможного и необходимого горизонтального взаимодействия действующих кодификационных актов получили надлежащее освещение в современной отечественной и зарубежной юридической литературе².

---

¹ См.: Баранов В.М., Краснов Д.Г. Кодификационное пространство государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.). – Н.-Новгород, 2009. – С. 16.

² См.: Баранов В.М., Краснов Д.Г. Кодификационное пространство государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.). – Н.-Новгород, 2009. – С. 16.

Как справедливо отмечают в связи с этим В.М. Баранов и Д.Г. Краснов, есть в кодификационном пространстве пробелы, которые трудно объяснить как с теоретической, так и с практической точек зрения³. В частности, анализ научных трудов свидетельствует, что вне серьезного изучения остается проблема целей кодификации, целевой характеристики кодексов. По мнению В.М. Баранова и Д.Г. Краснова, в значительной мере это связано со сложной логико-гносеологической природой категории «цель», но есть немало и иных философских, социально-политических и практических причин, объясняющих стремление исследователей «обойти» эту проблему.

Однако всякое упрощение целевой характеристики кодификации ведет не только к примитивизации этого вида юридической деятельности, но и к снижению его социальной ценности.

Целью монографии является исследование исторических и практических аспектов, а также оценка перспектив кодификации налогового законодательства в Российской Федерации. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

изучить понятия и теоретические проблемы систематизации права;

рассмотреть модельные признаки кодифицированного акта;

изучить идейные и юридические истоки, а также конкретно-исторические условия развития кодификации налогового законодательства в России с учетом мирового опыта с целью сопоставления и выявления проблем преемственности и новизны в исследуемой сфере;

исследовать основные формы и направления кодификации налогового законодательства в России и определить перспективы кодификации на будущее; выявить особенности кодификационного процесса;

проанализировать средства, приемы и методику кодификационной техники в сфере налогового законодательства в Российской Федерации;

исследовать систему нормативных правовых актов Российской Федерации и определить место НК РФ в этой системе;

изучить влияние международного права и модельных кодифицированных актов стран с развитой рыночной экономикой и стран СНГ на кодификационную деятельность в сфере налогового законодательства России;

определить круг нормативных правовых актов, составлявших основу налоговой системы России в начале 90-х гг.;

выявить основные недостатки в правовом регулировании налоговой системы 90-х гг. и обосновать необходимость ее кодификации;

на основе анализа нормативной базы и литературы определить основные цели и этапы кодификации налогового законодательства в Российской Федерации.

Теоретическую основу монографии составили труды советских, российских, зарубежных ученых-юристов, их выводы и предложения по проблемам правотворчества, систематизации, кодификации, законодательной техники.

В монографии широко использованы работы С.С. Алексеева, А.Б. Венгерова, Д.А. Керимова, А.Ф. Ковачева, М.Н. Марченко, А.В. Мицкевича, А. Нашиц, А.С. Пиголкина, С.В. Полеминой, А.Ф. Шебанова, М. Махмудова, С.А. Раджабова и др.

При проведении исследований были применены современные методы и подходы научного познания правовой действительности. В частности, в монографии использованы логико-исторический, структурно-функциональный, историко-сравнительный, сравнительно-право-

---

рия, практика, техника. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.). – Н.-Новгород, 2009. – С. 16.

³ Там же. – С. 17.

вой методы познания. В качестве эмпирической базы был применен опыт кодификации советского и постсоветского периода.

Монография имеет научно-теоретическое значение, ее выводы и положения могут оказать помощь в дальнейших исследованиях проблем кодификации налогового законодательства в Российской Федерации, а также использоваться в ходе деятельности по совершенствованию существующего законодательства. Работа имеет также учебно-познавательное значение, она может послужить учебным пособием при изучении (преподавании) дисциплин, сопряженных с вопросами кодификации, в частности учебного курса общей теории государства и права, а также специальных курсов.

Практическая значимость монографического исследования проявляется в трех аспектах.

Во-первых, основные результаты работы применялись в практике работы Государственной Думы. Речь идет о представлении монографического материала в виде аналитических записок и аналитических вестников по проблемам развития налогового законодательства.

Во-вторых, материалы работы могут оказать существенную помощь преподавателям теории государства и права и налогового права в учебном процессе.

В-третьих, на их основе может осуществляться дальнейшее научное изучение проблем кодификации налогового законодательства.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОДИФИКАЦИИ В ПРАВЕ

1.1. Понятие кодификации в праве, ее генезис и история

Кодификация – весьма важное, но малоисследованное явление в теории права и в правоприменительной практике. За рамками внимания ученых и практиков остаются глубинные аспекты юридической природы этого феномена. В юридической науке нет единой точки зрения даже на само понятие «кодификация».

Большинство авторов рассматривают ее как один из видов систематизации нормативных правовых актов.

Ряд исследователей понимает кодификацию в двух значениях: как составление систематизированных законов и кодексов для определенных разделов права и как результат этой деятельности – собрание кодексов⁴.

Как один из видов законодательной деятельности, кодификация предполагает процесс издания законов, систематизирующих имеющийся нормативный материал. При этом часть устаревшего нормативно-правового материала заменяется новым и на этой основе формируется структура кодифицированного акта.

В.А. Рыбаков, обобщая существующие подходы к пониманию кодификации, отмечает, что это правовое явление, как и сам термин, имеют по меньшей мере два значения: во-первых, как результат переработки определенного нормативного массива и сведения его в некий документ (кодекс, основы, устав и т. п.); во-вторых, как процесс этой переработки, предполагающий осмысление сложившейся ситуации, выработку концепции обработки и сведения меняющегося материала в виде отмены, дополнений или принятия нового нормативного акта⁵.

Рядом авторов, в частности С.С. Алексеевым, кодификация рассматривается в качестве первоочередного, ключевого фактора развития права как системы, так как при кодификации не только упорядочивается действующее право и вносятся в него необходимые изменения, но и достигается развитие согласованной, гармоничной системы⁶. Как справедливо подчеркивал А.Ф. Шебанов, именно кодификация является наиболее совершенной формой систематизации нормативных актов, которая ставит целью систематическое изложение всего накопленного нормативного материала по определенной отрасли права⁷.

Любое понимание кодификации предполагает наличие уже имеющегося материала. Анализ специальной литературы и юридическая практика показывают, что создание любого крупного кодифицированного акта требует определенного уровня накопления соответствующих нормативных материалов и достаточно высокой степени правового регулирования в данной области. Часть этого материала при кодификации сохраняется и используется, т. е. воспринимается новым нормативным правовым актом. Происходит это путем: а) его переработки и б) его объединения в кодификационном акте.

---

⁴ См.: Хюссен А.-мл. Кодификация в Нидерландах 1795–1838 гг. (на примере брачно-семейного права) // Ежегодник истории права и правоведения. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 49.

⁵ Рыбаков В.А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. – 2007. – № 7. – С. 44.

⁶ См.: Алексеев С.С. Советское право как система: методологические принципы исследования // Советское государство и право. – 1974. – № 7. – С. 15.

⁷ См.: Шебанов А.Ф. Нормативные акты Советского государства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 37.

Понимание кодификации как деятельности, направленной на внутреннюю и внешнюю переработку действующего законодательства, изменение правовых норм в определенной сфере общественных отношений, воспринято и учебной литературой⁸.

Однако кодификация – это не только переработка действующего правового материала, но и его объединение. В процессе кодификационной деятельности осуществляется не только глубокий пересмотр всего действующего законодательства в данной области, но и его более или менее широкое включение в кодификационный акт.

Кодификация – это создание свободных (объединяющих комплекс норм и институты права) законов вместо суммы разрозненных актов текущего законодательства, высшая форма упорядочения законодательства. Она приводит многочисленные, разрозненные и не всегда достаточно хорошо согласованные друг с другом акты в стройную единую систему⁹.

Кодификация как вид издания сложных законов, охватывающих какую-либо отрасль права или законодательства, противопоставляется так называемому фрагментарному законодательству, устанавливающему частные правовые положения.

* * *

История кодификации восходит ко времени кризиса Римской империи, когда стали предприниматься попытки систематизировать огромный правовой материал, накопленный римлянами за несколько столетий. В правление Диоклетиана неизвестный юрист Грегориус (или Грегориан) около 292–293 гг., составил сборник императорских декретов, который носит название *Codex Gregorianus*. Известно, что этот Кодекс содержал в себе конституции со 196 по 292 гг., расположенные в определенном порядке. Он делился на 19 (по другим данным, на 14 или 16) книг, книги – на титулы, внутри которых конституции приводились в хронологической последовательности. Предполагают, что он включал в себя и более ранние конституции, начиная с Адриана (117–138 гг.). Через некоторое время к Кодексу Грегориана было составлено дополнение в виде отдельной книги, разделенной на титулы и содержащей конституции эпохи Диоклетиана. По имени составителя – юриста Гермогениана – это дополнение получило название *Codex Hermogenianus*. Точная дата его составления и содержание являются предметом дискуссий. Высказываются предположения, что первоначально он содержал в себе конституции Диоклетиана 293–294 гг. и был составлен около 295 г., а опубликован – около 314 г. Оба Кодекса дополнялись и впоследствии конституциями Диоклетиана 295–305 гг., Константина и Лициния (по крайней мере 314 г.) и даже Валентиниана I и Валента 364–365 гг. От обоих Кодексов сохранились лишь небольшие фрагменты¹⁰.

Следующей попыткой кодифицировать римское право стала кодификация Феодосия.

Кодекс Феодосия был составлен между 429 и 438 гг. Большинство современных исследователей считает, что в Восточной Римской империи он вошел в силу 15 февраля 438 г., а в Западной – 1 января 439 г. С этого времени он использовался и в Западной империи как официальный Кодекс. Б. Сиркс считает, что признание его авторитета произошло таким же образом, как и для Кодексов Грегориана и Гермогениана, долгое время бывших частными, неофициальными собраниями императорских конституций¹¹. По его мнению, только изданная Валентинианом III в 443 г. конституция *Quantum consulente* подтвердила его официальный статус.

---

⁸ Алексеев С.С. Теория права. – М., 1993. – С. 84.

⁹ Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф. Вопросы кодификации советского законодательства на современном этапе // Правоведение. – 1981. – № 2. – С. 13.

¹⁰ Кодификация Феодосия и ее предпосылки // http://www.study-law.ru/additional/rome_law/04/

¹¹ Sirks B. From the Theodosian to the Justinian Code. P. 284–286.

Кодекс содержит более 2,5 тысяч императорских постановлений (по подсчету Т. Оноре – 2529) за период от Константина I до Феодосия II¹². Самая ранняя из вошедших в него конституций датируется 1 июня 311 г., а самая поздняя – 16 марта 437 г.

Главным итогом кодификации законодательства древнего Рима стал Свод Юстиниана, подготовленный в Византии в VI в¹³.

В это время зарождаются планы воссоединения восточной части империи с западной, находившейся тогда в руках варваров. Кроме того, интересы государства требовали единства права, определенности и ясности его содержания. Господствующий класс был заинтересован в том, чтобы явно устаревшие нормы были отменены и право было обновлено.

В соответствии с этим Юстиниан поставил перед собой задачу собрать накопившийся огромный материал, притом не только *leges* (императорские законы, как было при предыдущих кодификационных работах до Феодосия II включительно) но также и *ius* (сочинения классиков). Весь материал имелось в виду привести в соответствие с потребностями эпохи, устранить противоречия, отбросить все устаревшее. Руководящими началами, естественно, должны были служить укрепление императорской власти и обеспечение эксплуатации рабов (рабство на Востоке сохранилось дольше, чем на Западе).

Для выполнения кодификации назначались особые комиссии. Активное участие в кодификации принимали выдающиеся юристы того времени – Трибониан (начальник императорской канцелярии и заведующий редактированием законов) и Феofil (профессор Константинопольской школы права).

Работа началась с собрания императорских законов. Комиссия, образованная для этой цели в 528 г., составила уже в 529 г. так называемый Кодекс первого издания (не дошедший до нас).

В 530 г. была образована комиссия для кодификации сочинений классиков. В 533 г. был составлен и обнародован сборник извлечений из сочинений классических юристов под названием *Digesta* (собранные) или *Pandectae* (все вмещающее). Этот сборник, получивший обязательную силу, состоял из 50 книг, разделенных на титулы и фрагменты.

В том же 533 г. был обнародован элементарный учебник римского права – *Институции*, получивший вместе с тем силу закона. *Институции* Юстиниана состояли из четырех книг, разделенных на титулы; в основу их содержания были положены *Институции* Гая.

Параллельно с этими кодификационными работами Юстиниан разрешил в законодательном порядке ряд наиболее спорных вопросов гражданского права. Эти законы, известные под названием «50 решений», были использованы в целях пересмотра только что изданного кодекса. В результате этого пересмотра в 534 г. появился кодекс нового издания (сохранившийся поныне), состоявший из 12 книг, разделенных на титулы.

Собранный в *Дигестах* материал состоял из трех больших групп:

- а) из сочинений классиков, относящихся к гражданскому праву (так называемые *libri ad Sabinum*; такое название дано потому, что Сабину принадлежал комментарий к гражданскому праву); б) из сочинений классиков, посвященных преторскому эдикту (*libri ad edictum*); в) из сочинений Папиниана и некоторых других, не попавших в две первые категории.

Составление *Институций*, *Дигест*, Кодекса не могло, разумеется, остановить дальнейшее развитие жизни и устранить потребность в издании новых законов. Юстинианом был издан (после окончания кодификационных работ) ряд законов, которые известны под названием *Новелл* (т. е. новых законов). *Новеллы* объединены в сборник уже не во времена Юстиниана, а позднее (до нас дошли некоторые частные собрания)¹⁴.

---

¹² Honore T. The making Theodosian Code//ZSt. RA. 1986. Bd. 103. P. 133–216.

¹³ См.: Новицкий И.Б. Римское право. – М., 1998. – С. 29.

¹⁴ Новицкий И.Б. Указ. соч. – С. 29–34.

В средние века Институции, Дигесты, Кодекс и Новеллы получили в своей совокупности название *Corpus iuris civilis* (Свод гражданского права).

В Восточной империи в течение примерно пяти веков после кодификации Юстиниана составленные им сборники служили базой научной и практической работы. По мере изменений в социально-экономической жизни и возникновения новых потребностей вносились поправки и производилась переработка отдельных частей Юстиниановой кодификации, например Базилики императора Льва Мудрого, конец IX – начало X в., и др.¹⁵.

* * *

В средневековой Европе крупные кодификационные работы проводились в конце позднего Средневековья и в начале Нового времени. Однако характер этих кодификаций резко отличался от современного. Во-первых, создатели кодифицированных актов стремились охватить в них все национальное право, а не его отдельную отрасль; во-вторых, кодексы XII–XVIII вв. отличала казуистичность, крайне слабая систематизация материала, отсутствие общей части.

Первой из таких кодификаций стали *Siete Partidas* – всеобъемлющая кодификация, составленная в Кастилии (Испания) в 1256–1263 гг. и заложившая основы национального права Испании.

Siete Partidas состояла из семи частей (отсюда название), каждая из которых была посвящена определенной сфере правового регулирования – церковному праву и месту католической церкви в государственной и общественной жизни (часть 1), королевской власти и деятельности органов управления (2), судопроизводству (3), семейному праву (4), договорному праву (5) и, наконец, преступлениям и наказаниям (6 и 7). Некоторые разделы «Партид» представляли собой более или менее самостоятельное переложение норм римского (часть 5) либо канонического (часть 1) права, но в целом это было столь полное, систематизированное и умело составленное собрание правовых норм, что со временем «Партиды» не только оказали существенное влияние на развитие собственно испанского законодательства, но и долгое время непосредственно применялись как основной источник права сначала в испанских колониях в Латинской Америке, а затем в возникших там независимых государствах¹⁶.

В XVII в. были составлены Кодекс короля Христиана V, принятый в Дании в 1683 г. (в 1687 г. его действие было распространено на Норвегию; там он получил название «Норвежское право»), и Свод законов Шведского государства 1734 г., которые формально действуют и поныне.

В Европе переход к современной кодификации начался на рубеже XVIII–XIX вв.

Во **Франции** основные кодексы разработаны в период Консулата и Империи: Гражданский кодекс 1804 г., Гражданский процессуальный кодекс 1806 г., Уголовно-процессуальный кодекс 1808 г., Уголовный кодекс 1810 г. Позднее они подверглись многочисленным изменениям по существу, но в структурном плане оставались неизменными.

Другой этап принятия новых кодексов охватывает период с Реставрации до Второй мировой войны. В это время были приняты: Лесной кодекс (1827 г.), Сельскохозяйственный кодекс (1898 г.), Трудовой кодекс (1910 г.), Кодекс морских работ (1926 г.), Дисциплинарный и уголовный кодекс морской торговли (1926 г.), Кодекс военной юстиции сухопутных войск и военно-морских сил (1928 и 1938 гг.). Особую группу кодексов составляют фискальные

---

¹⁵ Там же. – С. 31.

¹⁶ Юридический словарь // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18158>

кодексы, которые правительственным декретом от 6 апреля 1950 г. были инкорпорированы в Налоговый кодекс¹⁷.

Во Франции под кодексом понимается «юридический документ, объединяющий совокупность законодательных и регламентарных предписаний, применяемых в определенной отрасли права»¹⁸. Таким образом, кодификация является завершающим этапом оформления отрасли законодательства как элемента его системы.

К концу XVIII – началу XIX вв. относится создание в Европе трех крупнейших гражданских кодексов:

Общее земское право прусских провинций (1794 г.);

Австрийское гражданское уложение (1811 г.);

Французский гражданский кодекс (1804 г.).

Почти на 100 лет позже вышло **Германское гражданское уложение** (1896 г.; далее – ГГУ, Германский гражданский кодекс, ГГК).

Законодательство воссозданного в XIX в. общегерманского государства разрабатывалось главным образом на базе законов Пруссии, Баварии и Саксонии и в меньшей степени – других государств. Источниками в этом процессе послужили: Прусское земельное уложение 1794 г., которое охватывало многие отрасли права, баварский Уголовный кодекс 1813 г. и более ранние баварские Судебный и Гражданский кодексы 1753 и 1756 гг., саксонский Гражданский кодекс 1863 г., ганноверский Гражданский процессуальный кодекс 1850 г. Учитывалось также и общее право, представлявшее собой сложное переплетение норм, восходящих к римскому и каноническому праву и правовым обычаям древних германцев.

Медленный, но последовательный процесс издания общегерманских законов начался с образованием Северо-Германского Союза. Были приняты разработанные ранее Торговое уложение 1866 г. и Уголовное уложение 1871 г., затем Гражданское процессуальное и Уголовно-процессуальное уложения, Закон о судостроительстве 1877 г. и лишь в 1896 г. – Гражданское уложение¹⁹.

Германский гражданский кодекс является крупнейшей буржуазной кодификацией. Он насчитывает 2385 параграфов, не считая 218 статей Вводного закона. Техника построения материала кодекса достаточно нова и оригинальна. Кодекс построен по так называемой пандектной системе. Для нее характерно сведение юридических институтов в обязательственное, брачно-семейное и наследственное право. Нормы, общие для всех институтов, сконцентрированы в отдельной книге. Пандектная система Германского ГК существенно отличается от традиционной римской системы расположения гражданско-правового материала – системы институционной. Последняя состояла из трех частей (книг), каждая из которых заключала как общие, так и специальные институты и нормы. Именно по такой институционной системе был построен знаменитый французский Кодекс Наполеона (1804 г.). Германское гражданское законодательство и наука о праве XIX в. не последовали его примеру.

Уже саксонский законодатель при создании своего гражданского кодекса 1863 г. не стал следовать институционной системе Кодекса Наполеона, находя ее «не заслуживающей подражания, так как она сводила все содержание гражданского права к праву лиц и вещному праву, рассматривая важнейшие институты обязательственного, наследственного права лишь как способы приобретения собственности». Составители ГГК 1896 г. придерживались того же мнения и упрочили на общегерманском уровне новую пандектную систему гражданского законодательства. Ее значение нельзя недооценивать. Общая часть по модели ГГК была позаимствована

---

¹⁷ Пилипенко А.Н. Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права. – 2001. – № 9.

¹⁸ Dictionnaire de droit. T. I. Paris, 1966. P. 327.

¹⁹ Правовая система Германии // <http://germaniya.net/blogcategory/pravovaya-sistema-germanii/>

на практике бразильским, китайским, греческим и некоторыми другими кодексами. Общая часть, введенная в гражданское право Германским гражданским кодексом, свидетельствует, по мнению современного французского ученого-юриста, о явном разрыве, происшедшем в XIX в. между немецкой наукой, где господствовали пандектисты, и французской юридической наукой, основанной на изучении Кодекса Наполеона.

По своему содержанию ГГК стал одним из образцовых буржуазных кодексов. Он включает все основные буржуазные юридические институты, свойственные буржуазному праву.

В первой книге ГГК (Общей части), состоящей из семи разделов (§ 1–240), рассматривается, прежде всего, статус лиц (физических и юридических). Наибольшее внимание уделено германским законодателем юридическим лицам (обществам и учреждениям), им посвящено более 60 параграфов. Другая многочисленная группа предписаний (80 параграфов) посвящена вопросам, связанным с юридическими сделками (дееспособность, волеизъявление, виды сделок, представительство и т. п.). К остальным вопросам Общей части относилось учение о вещах и о так называемых материальных сроках и давности. Особый интерес представляют последние предписания этой книги ГГК: об осуществлении прав, самозащите и самопомощи.

Во второй книге ГГК (также семь разделов, § 241–853) содержатся нормы обязательственного права. Это характерная особенность ГГК: традиционный порядок гражданско-правовых институтов в нем нарушен. Обязательственное право поставлено в ГГК раньше права вещного, что означает возросшее значение капиталистического оборота, перед интересами которого отступают традиционные институты права собственности и владения, еще господствовавшие в Кодексе Наполеона. В данной книге излагаются как общие положения об обязательствах из договоров (их возникновение, содержание, исполнение и т. п.), так и отдельные договоры, традиционные (купля, заем, ссуда, товарищество и др.) и новые (наем рабочей силы, игра, пари, приказ и др.). В этой книге регулируются важные в социальном отношении нормы о так называемых недозволенных действиях (§ 823–853).

Только в третью книгу ГГК включено вещное право (девять разделов, § 854–1296). Кроме институтов права собственности, владения, здесь подробно регламентируются так называемые служебности (сервитуты, обременения) и различные формы залога движимости и недвижимости (ипотека). Они составили основную часть предписаний третьей книги (примерно 2/3). Именно в этой книге наиболее полно представлены устаревшие (профеодальные) институты германского права (право преимущественной купли – § 1094–1104; поземельные обременения – § 1105–1112). Эти институты и нормы наглядно свидетельствуют о социальной силе германского юнкерства, вырвавшего у буржуазии важные уступки в аграрной области.

Четвертая книга ГГК содержит нормы брачно-семейного права (три раздела, § 1297–1921). Книга открывается разделом о гражданском браке. Здесь изложены правила, посвященные условиям вступления в брак, личным и имущественным отношениям супругов, а также условиям расторжения брака. Из других разделов книги следует выделить институт родительской власти и юридическое положение детей (законных и незаконных), опеку и попечительство.

Наконец, последняя, пятая книга ГГК посвящена наследственному праву (девять разделов, § 1922–2385). В ней регламентируются два основных порядка наследования (по закону и по завещанию); юридическое положение наследника; особый договор о наследовании и правила об обязательной доле так называемых необходимых наследников.

Вместе с основным текстом ГГК был принят и вступил в силу особый Вводный закон. Это достаточно крупный юридический акт, насчитывающий 218 статей. Структура и содержание Вводного закона таковы: ст. 1–31 посвящены общим правилам о времени вступления в силу ГГК, о применении иностранных законов в Германии и германских законов за границей. Следующие ст. 32–54 регулировали соотношение Кодекса со старым имперским законодательством. Как общее правило, старые имперские законы оставлены в силе, поскольку

обратное не указано в Кодексе (ст. 32). Но наиболее значителен по объему (ст. 55–152) и интересен по содержанию раздел третий Вводного закона. Он посвящен соотношению Кодекса с земским законодательством. Указанные статьи представляют, по существу, длинный перечень прав, оставленных в компетенции земских законодательств отдельных германских государств – членов империи. Формула, с которой начиналась большая часть статей третьего раздела, гласила: «Нетронутыми остаются предписания земского права...». К перечню таких «нетронутых» нормами Кодекса областей были отнесены следующие наиболее значительные: особый статус главы и членов владетельных (королевских, княжеских) домов бывших самостоятельных германских государств; различные феодальные формы дворянского родового имущества (ст. 59); рентное имущество и право наследственной аренды (ст. 63); право крестьянского единонаследия (ст. 64); право охоты и рыболовства; горное право (ст. 67); правовое положение прислуги и домашних рабочих (ст. 95); водное право (ст. 65); право о регалиях (ст. 73). В качестве примера можно привести важное правило ч. 1 ст. 113 Вводного закона: «Нетронутыми остаются предписания земского права как об объединениях и разделах земельных участков, о регулировании и порядке помещичье-крестьянских отношений, так и о заменах, переоборудованиях и ограничениях служебностей и вещных обременений». Приведенный список особых прав (так называемых прав старого партикулярного земского законодательства) далеко не исчерпывал в Вводном законе изъятия и привилегии, касающиеся главным образом имущественного положения германского юнкерства. Вводный закон наносил существенный удар по идее и практике единства гражданского права Германии. По существу, полного правового единства создать не удалось. Даже буржуазные юристы вынуждены признать: «все эти исключения были неизбежным злом...». В тогдашних буржуазных кругах Германии Вводный закон оценивали не без основания как реальное ограничение буржуазного характера Кодекса²⁰.

Интересную специфику имеет процесс систематизации нормативного материала в Англии. Здесь полностью отвергли идею кодификации. Возражения против кодификации вытекали из самой природы общего права, в котором значительная часть права, особенно права гражданского, развивалась вне всякого воздействия со стороны законодателя, путем создания судьями прецедентов. Кодифицировать это право недопустимо было уже потому, что тогда ему пришлось бы придать жесткую форму, которая лишила бы общее право его главной ценности – свободной приспособляемости к конкретным обстоятельствам дела. Кроме того, застывшее кодифицированное право не могло бы предусмотреть изменений в общественных отношениях, что потребовало бы его постоянной переделки. В то же время в других странах, правовая система которых в большей или меньшей степени основана на общем праве, кодификация проводилась, хотя и менее последовательно, чем в странах континентальной правовой системы.

В США кодификация права началась во второй половине XIX в. Важным этапом в развитии законодательства стало принятие писаных конституций в штатах и федеральной Конституции 1787 г. Введение в действие писаных конституций стало одним из главных факторов, ведущих к углублению различий между правом США и английской правовой системой, построенной на неписаной конституции.

На базе Конституции США 1787 г. в XIX–XX вв. сложился своеобразный правовой институт – судебный конституционный контроль. Этот институт имел своим результатом не только толкование конституционных положений Верховным судом США, но и признание большого числа законов штатов и Конгресса неконституционными, а потому недействительными, т. е. не имеющими юридической силы.

Доктрины Верховного суда (прецеденты толкования) повлияли существенным образом на содержание как действующей Конституции США, так и текущего законодательства. Многие понятия конституционного законодательства («междущтатная торговля», «полицейская

²⁰ Общая характеристика, система и содержание ГТК // <http://www.xserver.ru/user/ggugg/3.shtml>

власть», «совпадающая юрисдикция» и т. д.) были введены в конституционный и законодательный оборот не Конгрессом или легислатурами штатов, а Верховным судом США.

США не избежали общей для подавляющего большинства стран Запада тенденции к кодификации законодательства, в том числе и кодификации общего права по отдельным штатам. Еще в 1796 г. в штате Вирджиния был принят уголовный кодекс, подготовленный Томасом Джефферсоном. В отличие от Англии в США по отдельным штатам с 20-х гг. XIX в. проводились определенные работы с целью систематизировать и кодифицировать право. В штате Нью-Йорк с 1828 г., а позднее в других штатах стали периодически издаваться официальные сборники (компиляции) законодательства штата.

В 1848 г. благодаря усилиям известного американского юриста Д. Филда в штате Нью-Йорк были приняты кодексы гражданского и уголовного судопроизводства, которые затем послужили образцом для других штатов. По проекту Филда с небольшими изменениями был принят в 1872 г. Гражданский кодекс Калифорнии. Во второй половине XIX в. во многих штатах были разработаны и уголовные кодексы (в Калифорнии в 1872 г., в Нью-Йорке – в 1881 г. и т. д.). Все эти кодексы были построены главным образом на общем праве.

Но даже в штатах с частично кодифицированной системой права кодексы не заняли приоритетного места в системе источников права, как это можно видеть в странах континентальной правовой системы.

В глазах американских юристов и судей «кодификация в известном смысле всегда была иллюзией», поскольку не кодексы и законы, а именно судебное право является той доминантой, которая определяет особенности, «лицо» правовой системы США.

С конца XIX в. в связи с потребностями американского общества, и прежде всего предпринимательских кругов, особенно заинтересованных в единообразии правовых норм по всей стране, в США начинается движение за унификацию права в штатах. С этой целью в 1889 г. был создан специальный комитет, который разработал проекты некоторых унифицированных законов (по продаже товаров, торговым бумагам и т. д.), связанных главным образом с регулированием торговли, и рекомендовал их к принятию легислатурами штатов.

В 1892 г. была создана Национальная конференция уполномоченных по унификации права штатов, которая рекомендовала штатам одобрить около 200 проектов законов преимущественно по торговому праву. В числе этих актов в 1952 г. к принятию штатами был рекомендован Единообразный торговый кодекс (далее – ЕТК).

Потребности унификации торгового права были столь велики, что практически все штаты ввели ЕТК в действие. Этот Кодекс (с последующими поправками и изменениями) не был официально принят только в штате Луизиана, хотя некоторые его разделы действуют уже и там.

В США в XX в., прежде всего во второй его половине, законодательные источники права все в большей степени играют первенствующую роль в правовых системах штатов и федерации. В течение всей истории США, но особенно с «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, Конгресс и легислатуры штатов осуществляли интенсивную деятельность по изданию законов (статуты и т. д.). Ежегодно Конгресс принимает от 300–400 до 900, а легислатуры штатов – от 10 тыс. до 30 тыс. законодательных актов.

В XX в. проявилась потребность проведения кодификационных работ и в сфере федерального права. В 1909 г. был принят федеральный Уголовный кодекс, который охватил сравнительно узкий круг вопросов, отнесенных Конституцией США к ведению федерации (государственная измена, подделка валюты, пиратство и некоторые другие).

Быстрый рост числа федеральных законов и актов делегированного законодательства сделал необходимым в XX в. проведение крупномасштабных работ по систематизации и ревизии федерального законодательства. В 1926 г. был составлен федеральный Свод законов, который периодически обновляется и один раз в шесть лет переиздается. Он включает 50 разделов.

Каждый раздел связан с определенной сферой правового регулирования (например, «промышленность и торговля», «сельское хозяйство» и т. д.) или с конкретной отраслью и институтом права.

Некоторые разделы представляют собой инкорпорацию (с частичными изменениями и дополнениями) действующего законодательства. Другие составлены как кодифицированные разделы, в которых осуществлены пересмотр и упорядочение отдельных отраслей законодательства. В штатах на основе так называемых единообразных или «примерных» кодексов (например, Единообразного торгового кодекса) происходит унификация права в тех сферах общественной жизни, к которым проявляют непосредственную заинтересованность прежде всего предпринимательские круги²¹.

С середины XIX в. кодификация активно развивалась на уровне штатов, где были приняты собственные гражданские и уголовные кодексы. Среди них видное место занимают гражданские кодексы Калифорнии (1872), Луизианы (1875), Нью-Йорка, Небраски (1909) и уголовные кодексы Нью-Йорка (1881, 1967), Висконсина (1956), Иллинойса (1961), Миннесоты (1963) и др.

Методы американской кодификации весьма близки к инкорпорации, и в кодексах обычно отсутствует так называемая общая часть. С начала XX в. на уровне федерации принимаются так называемые «модельные кодексы».

* * *

В середине XVII в. была осуществлена кодификация **русского права** под названием Соборное уложение 1649 г.

Соборное Уложение 1649 г., обобщив и впитав в себя предшествующий опыт создания правовых норм, опиралось на:

- судебники;
- указные книги приказов;
- царские указы;
- думские приговоры;
- решения Земских соборов (большая часть статей была составлена по челобитным гласных собора);
- «Стоглав»;
- литовское и византийское законодательство;
- новоуказные статьи о «разбоях и душегубстве» (1669 г.), о поместьях и вотчинах (1677 г.), о торговле (1653 и 1677 г.), которые вошли в Уложение уже после 1649 г.

Несмотря на казуальность изложения, Соборное уложение отличалось весьма высокой для своего времени юридической техникой. Уложение открывалось (впервые в практике кодификации) преамбулой, где провозглашалось соответствие права постановлению «Святых Апостолов» и утверждалось равенство суда по всем делам и для всех чинов (конечно, в полном согласии с понимаемой в то время сословностью).

Язык Уложения был простым и понятным, тогда как в Европе юридическая терминология отличалась запутанностью и сложностью для понимания. Оно было крупным правовым актом, идеологически основанным на религиозно-православном понимании юридических и политических процессов.

Соборное уложение 1649 г. имело 967 статей, 25 глав (о суде, о вотчинах, о богохульниках и т. д.).

---

²¹ История государства и права зарубежных стран // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/53.php

Кодификация в России имела определенную специфику, вытекающую из культурно-исторического контекста. Она отражает особенности исторического развития нашей страны. В связи с этим Г.И. Муромцев справедливо отмечает, что «в силу объективно-субъективной природы правовой культуры идеи и система ценностей данного общества по сути определяют в каждый период истории характер правопонимания и обусловленной им юридической техники. Если это так, то не может быть понятия кодификации, единого для всех эпох и правовых культур.»²².

В научной литературе существует два основных подхода к этим особенностям.

Первый подход основан на концепции самобытности славянских правовых и государственных институтов, разработанной еще в российской дореволюционной литературе, прежде всего в книгах Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», М.Ф. Владимирского-Буданова «Обзор русского права», Ю.Ф. Самарина «Окраины России».

Среди современных исследований, развивающих эту концепцию, особо следует отметить монографии В.Н. Синюкова «Российская правовая система» и «Правовая система: Вопросы правореализации».

В.Н. Синюков, один из авторов современной концепции формирования славянского права как самодостаточной правовой семьи, к началам, обладающим сущностным значением для определения места российской правовой системы в мировой классификации, относит:

«1. Самобытность русской государственности, не поддающейся элиминации даже после длительных и массированных включений иностранных управленческих и конституционных форм.

2. Особые условия экономического прогресса, для которых характерна опора на коллективные формы хозяйствования: крестьянскую общину, артель, сельскохозяйственный кооператив, – которые основывались на специфической трудовой этике, взаимопомощи, трудовой демократии, традициях местного самоуправления.

3. Формирование особого типа социального статуса личности, для которого свойственно преобладание коллективистских элементов правосознания и нежесткость линий дифференциации личности и государства...

...4. Тесная связь традиционной основы права и государства со спецификой православной ветви христианства с ее акцентами не на мирском жизнепонимании Бога и человека (католицизм) и тем более благословении стяжательства (протестантизм), а на духовной жизни человека с соответствующими этическими нормами (нестяжание, благочестие и т. д.)»²³.

В этой ситуации некритическое заимствование зарубежного права и попытки его модернизации, в частности путем кодификации, были крайне неэффективны. Причины столь поразительной неэффективности профессор Г.Ф. Шершеневич видел в том, что законодательство заимствовалось «у народов, с которыми Россия имела мало общего в культурном отношении», что «русскому обществу претило не само заимствование, а грубая форма его». По сути, речь шла о типологической несовместимости российского общества с обществом наиболее развитых стран Европы того времени²⁴.

Второй подход, разделяемый большинством историков, исходит из того, что досоветская правовая культура, от Русской правды (XI в.) до октября 1917 г., отражает социально-экономическую и культурную отсталость России, что в сфере правовой культуры проявлялось в степени развития права и юридической техники, области управления и правосудия, общественного правосознания и авторитета закона и т. д. Э. Аннерс видит факторы такого разви-

²² Муромцев Г.И. О культурно-исторической специфике российских кодификаций // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. – Н.-Новгород, 2009. С. 74, 75.

²³ Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994. – С. 176.

²⁴ Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. – Казань, 1899. – С. 29.

тия российского права не только в авторитарном типе власти, который русские князья и цари даже после освобождения от татарского ига копировали у великих татарских ханов, но и в специфике социальной структуры общества. Он отмечает, что в России было небольшое число городов, которые к тому же не были столь свободны и сильны, как крупные западноевропейские торговые города. Э. Аннерс объясняет это отсутствием в них зажиточного и политически независимого слоя горожан, который смог бы уравновесить господство царей и крупных феодалов. Такие условия, по его мнению, сохранялись в России вплоть до Петра I и даже во многом – до 1917 г.²⁵

Социально-экономическая и культурная отсталость России, в том числе в правовой сфере, объективно обуславливала необходимость заимствования (рецепции) права более развитых стран Европы. И это была еще одна особенность российских кодификаций. «Московское правительство, – писал профессор Г.Ф. Шершеневич, – широкою рукой черпало из иностранного права.»²⁶

Г.И. Муромцев отмечает в связи с этим, что во времена Петра I часто заимствовались целые иностранные акты. Техника кодификаций ограничивалась, как правило, переводом иностранного закона (шведского, датского, голландского и т. д.) на русский язык и объявлением его российским законом²⁷. Так, петровский Воинский устав 1716 г. был по сути шведским Воинским уставом 1683 г., а его вводная глава – о самовластии российского монарха – калькой так называемой Декларации суверенитета шведских сословий короля Карла XI (1693 г.). Петр ввел также шведский табель о рангах, шведский морской артикул (с использованием голландских артикулов) и т. п.²⁸

Технология подготовки Полного Собрания законов и Свода законов Российской Империи, которую использовал М.М. Сперанский, также основывалась на заимствованных идеях, в частности у английского мыслителя Фрэнсиса Бекона²⁹.

В российских работах по теории права, получившей развитие в пореформенной России, само понятие кодификации (как и инкорпорации, консолидации и т. д.) заимствуется из доктрины и юридической техники европейских стран романо-германского права (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой и др.).

Судебные уставы 60-х гг. XIX в. вводили принципы буржуазного уголовного и гражданского процесса, давно уже действовавшие в странах Западной Европы. Из той же правовой культуры были заимствованы зародышевые формы парламентского законотворчества, закрепленные в Основных законах 1906 г. и т. д.³⁰

Говоря о рецепции Россией иностранного права, нельзя не отметить беспрецедентно низкую ее эффективность, особенно в период от начала XVIII в. до принятия в 30-х гг. XIX в. Свода законов, подготовленного Комиссией под руководством М.М. Сперанского. Более того, как одну из форм проявления российской отсталости в этой сфере можно рассматривать поразительную, не имевшую аналогов в мире заволокиченность процесса кодификации.

Как известно, в 1700 г. Петр I издал указ о создании комиссии по подготовке Уложения, призванного заменить Соборное Уложение 1649 г. Однако ее деятельность не дала результата. Четыре пухлых тома, подготовленные другой его комиссией, созданной в 1716 г., также не были приняты. Каждый последующий российский император (либо императрица) вплоть до

---

²⁵ См.: Аннерс Э. История европейского права. – М., 1994. – С. 252.

²⁶ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С. 29.

²⁷ См.: Муромцев Г.И. Указ. соч. – С. 76, 77.

²⁸ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С. 256.

²⁹ См., напр.: Сергеевич В.И. Конспект по истории русского права. – СПб., 1904. – С. 34.

³⁰ См.: Муромцев Г.И. Указ. соч. – С. 76, 77.

1832 г. безуспешно пытался воплотить идеи Петра о создании уложения³¹. Однако в итоге вместо уложения был принят лишь Свод законов, т. е. систематическое их собрание.

В чем причины такой неэффективности? Сторонники второго подхода видят главную причину неэффективности в отсутствии у властей политической воли, а также в полном безразличии к поставленной задаче членов многочисленных кодификационных комиссий и делегатов с мест, подчас откровенно уклонявшихся от этой работы.

Иными словами, ни «сверху», т. е. со стороны власти, ни «снизу» – со стороны общества дело кодификаций в тогдашней России не было обеспечено³².

Неэффективность кодификаций объяснялась также острой нехваткой в России XVIII–XIX вв. (до реформ 60-х гг.) профессиональных юридических кадров.

Профессор Н.М. Коркунов отмечал, что на момент принятия Свода законов (1832 г.) работу по изучению его юридической природы в России делать было некому³³.

Наконец, российская отсталость проявлялась в использовании форм упорядочения права, нигде более в Европе не применявшихся. Речь идет прежде всего о Своде законов Российской империи, одобренном в 1832 г. и вступившем в силу с января 1835 г. В отечественной литературе, посвященной Своду, – досоветской, советской и постсоветской – единодушно признается его уникальность как формы систематизации законодательства.

Так, по мнению Н.М. Коркунова, Свод – это «совершенно своеобразное, можно сказать, беспримерное явление. Нигде в других государствах не было и нет подобного собрания законов»³⁴. По сути, такую же оценку Своду дает Г.Ф. Шершеневич³⁵.

Попытки принять новое Уложение, начавшиеся уже в царствование Петра I и продолжавшиеся на протяжении всего XVIII в. (всего было создано 8 «уложенных комиссий»), не увенчались успехом.

Будучи принятым в 1649 г., Соборное Уложение вошло в Полное собрание законов Российской Империи 1830 г. и в значительной мере было использовано при составлении 15-го тома Свода законов Российской Империи (в этом томе были собраны законы уголовные) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

К составлению Свода приступили с началом царствования императора Николая I, в 1826 г. Руководил работами по собиранию и переработке многочисленных старых законов и указов, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., член Государственного Совета М.М. Сперанский. В основу Свода законов был положен следующий план. Общественная жизнь воплощается в союз государственный и союз гражданский; в основе каждого из них лежат законы, намечающие границы его действия (определятельные) и охраняющие права, из него вытекающие (охранительные). В соответствии с этим весь Свод законов должен был состоять из 8 частей: 1) законы основные, определяющие существо верховной власти; 2) законы органические, определяющие устройство органов этой власти; 3) законы сил правительственных, определяющие способы действия государственной власти; 4) закон о состояниях, определяющие права и обязанности подданных по степени участия их в составе установлений и сил государственных; 5) законы гражданские и межевые, включающие семейственные и общие имущественные отношения; 6) уставы государственного благоустройства; 7) уставы благочи-

³¹ См.: Пахман С.В. История кодификации российского гражданского права. – СПб., 1876; Шершеневич Г.Ф. Указ. соч.; Сергеевич В.И. Указ. соч.; и др.

³² Характерен в связи с этим вывод отечественного автора В.И. Сергеевича о причинах неэффективности созданной Екатериной II Комиссии по составлению уложения, на который обратил внимание Г.И. Муромцев. Он видел их: 1) в неправильной постановке задач комиссии; 2) во многих недостатках ее организации; 3) в совершенном неумении руководящих людей привести к благополучному окончанию (Сергеевич В.И. Указ. соч. – С. 32).

³³ См.: Коркунов Н.М. Значение Свода законов. – СПб., 1892. – С. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С. 87.

ния (законы полицейские); 8) законы уголовные. Разработка законодательства по этому плану была возложена на 11 Отдельных Его Императорского Величества канцелярий. 19 января 1833 г. Свод законов был внесен в Государственный совет, который решил издать его «в виде законов, коими в решениях исключительно руководиться должно». Свод был опубликован в Манифесте 31 января 1833 г. и вступил в силу 1 января 1835 г. 30 января 1836 г.

были опубликованы выработанные Государственным советом правила его применения. К Своду ежегодно стали печататься очередные Продолжения Свода, в которых показывалось, какие статьи должны считаться отмененными, а также размещались вновь издаваемые законы. С 1863 г. начали печататься, кроме очередных, еще Сводные продолжения Свода, охватывающие изменения в законах по отдельным томам за более или менее значительный период времени. До этого данная цель достигалась переизданиями всего Свода. Последним Сводным продолжением является издание 1912 г. Первоначально весь Свод законов Российской империи помещался в 15 томах; судебные уставы 1864 г. не входили в Свод. Но в 1876 г. была сделана попытка распределить эти уставы по отдельным томам (во II, X, XV томах), приведшая, однако, к искажению многих сторон судебной реформы. В целях восстановления единства Судебных уставов в 1883 г. их части вновь были соединены, а в 1892 г. внесены в Свод в виде нового, XVI тома. Однако вне Свода законов Российской империи так и остались Своды военных и военно-морских установлений и местные законы³⁶.

Комиссией под руководством М.М. Сперанского в 1814 г. были подготовлены проекты Гражданского и Уголовного кодексов по французскому, но однако они были отклонены. Еще один проект Гражданского кодекса планировалось завершить в 1826 г. Однако идея кодекса была отвергнута царем Николаем I, который распорядился провести систематизацию действующего законодательства без всяких изменений в его существе. В.О. Ключевский отмечал в связи с этим, что сам М.М. Сперанский рассматривал Свод как черновую, подготовительную работу к составлению Уложения³⁷.

Г.И. Муромцев по этому поводу замечает, что подход М.М. Сперанского к вопросу о кодификации гражданского права отражал известную недооценку историко-культурной специфики тогдашней России. В самом деле, у читателя, знакомящегося с историей создания Свода, может создаться впечатление, что не будь в 1814 г. антифранцузского общественного мнения, а в 1826 г. – настроения царя против гражданского кодекса, проект Сперанского мог бы быть принят. Между тем, по нашему мнению, это весьма проблематично, поскольку его принятие предполагало необходимость предварительной и глубокой реформы российского общества. Дело в том, что гражданский кодекс, построенный по французской модели, предполагал господство буржуазной формы собственности и адекватную этому структуру общества, основанного на принципе юридического равенства граждан. Иными словами, он предполагал единство рыночного пространства³⁸.

В начале XX в. попытки кодификации продолжались, но им по-прежнему мешало сохранение во многих районах страны общинных отношений и обычного права. Неудивительно поэтому, что хотя с 1882 г. в России работала комиссия по составлению Гражданского уложения, однако вплоть до 1917 г. оно так и не было принято³⁹.

Столь же несостоятельной была попытка подготовить проект Торгового кодекса, который должен был быть представлен на утверждение в 1827 г. Причину неуспеха Г.Ф. Шершеневич видел в том, что в отличие от Франции в России «никогда не было особого купеческого права», как и купеческого класса, исторически обособленного и самоуправляемого, как основы для

³⁶ [http://dic.academic.ru/dic.nsf/eno_law/2044/ %D0%A1 %D0%92%D0%9E%D0%94](http://dic.academic.ru/dic.nsf/eno_law/2044/%D0%A1%D0%92%D0%9E%D0%94)

³⁷ См.: Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Сочинения в 9 т. – М., 1989.—Т. 5.— С. 243.

³⁸ См.: Муромцев Г.И. Указ. соч. – С. 76, 77.

³⁹ Там же.

дуализма частного права. Позднее кодификация продолжалась, однако к 1917 г. была далека от завершения.

В советском государстве кодификационные работы начались сразу после окончания гражданской войны и охватили все основные отрасли права.

В юридической науке имеется уже довольно большая литература по этой проблеме⁴⁰.

О.А. Красавчиков предложил для советской гражданско-правовой науки следующую периодизацию становления и кодификации:

1) период становления (1917–1922 гг.), к концу которого происходит переход к нэпу, принятие ГК РСФСР, появление первых его комментариев и первых сравнительно крупных исследований гражданского законодательства;

2) период первоначального развития (1923–1936 гг.), который распадается на два этапа – этап борьбы на два фронта (1923–1928/30 гг.), т. е. с буржуазным и нигилистическим отношением к советскому гражданскому праву, и этап хозяйственно-правовой концепции (1928–1936/37 гг.);

3) период стабилизации (1936/37–1956 гг.), характеризующийся тем, что гражданско-правовой наукой были выброшены за борт буржуазные и мелкобуржуазные концепции, она стала целиком и полностью на прочные методологические рельсы марксизма-ленинизма, покончив с различного рода методологическими колебаниями;

4) период дальнейшего развития (начиная с 1956 г.).

Не говоря о сомнениях, вызываемых описанием сложившейся в каждом периоде фактической ситуации, обращает на себя внимание постоянное изменение критериев, сообразно с которыми выделяются различные периоды. Первый период связывается с появлением ГК РСФСР, комментариев к нему и первых крупных исследований; второй – вначале с борьбой против враждебных и ошибочных концепций, а затем с господствующим взглядом на сущность советского гражданского права; третий – с методологическим состоянием цивилистической науки; четвертый – только с тем, что завершение третьего периода отнесено к 1956 г. Едва ли, однако, допустимо строить периодизацию с помощью скользящего основания. Не нужно забывать, что периодизация – один из видов классификации. Особенность ее состоит лишь в том, что при помощи периодизации систематизируются однопорядковые факты, отделенные друг от друга не в пространстве, а во времени. В границах отмеченной особенности для периодизации обязательно распространяющееся на всякую систематизацию общее правило относительно единства критерия ее построения. Вопрос лишь в том, какой именно фактор должен быть избран в этом качестве.

Казалось бы, проще всего пойти по пути группировки конкретных проблем, сменявших друг друга на переднем плане науки с переходом от одних исторических условий к другим. Но на этом пути исследователя подстерегают неодолимые препятствия, связанные с тем, что имеются проблемы, вообще никогда не утрачивавшие своей актуальности, и существуют периоды,

---

⁴⁰ См.: Ветошкин М. Кодификация союзного законодательства // Советское строительство. – 1929. – № 7; Стучка П.И. Революционная кодификация // Революция права. – 1929. – № 3; Перетерский И.О. Техника оформления кодексов // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 1. – С. 108–115; Дембо Л.И. Проблема кодификации советского права // Вестник ГУ. – 1947. – № 4. – С. 67–78; Иодковский А.Н. Вопросы законодательства: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. – М., 1948; Ушаков А.А. Важнейшие кодификационные работы на первой фазе развития Советского государства: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. – Л., 1953; ЛяхТ.В. Проблема кодификации социалистического права: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. – М., 1955; Вопросы кодификации: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.М. Чхиквадзе, А.Н. Иодковский. – М., 1957; Вопросы кодификации советского законодательства: Сб. ст./Свердловский юрид. ин-т им. А.Я. Вышинского. – Свердловск, 1957; Иодковский А.Н. История советской кодификации. – М., 1957; Юридическая наука и кодификация советского права // Правоведение. – 1958. – № 1. – С. 8–15; Очерки истории кодификации гражданского законодательства Украинской ССР. – Киев, 1959; Ромашкин П.С. О научных основах кодификации законодательства союзных республик // Советское государство и право. – 1959. – № 4; Ушаков А.А. О кодификации советского законодательства // Ученые записки Пермского ун-та. – 1959. – Т. 14. – Кн. 4. – Ч. 1; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самошенко. – М., 1962; Развитие кодификации советского законодательства. – М., 1968; и др.

в которые с одинаковой интенсивностью разрабатывается множество разнообразных проблем. К тому же отображение пережитого наукой исторического процесса требует, чтобы была нарисована общая его картина, а не только сопровождавшие этот процесс пусть и очень важные, но не более чем отдельные и притом зачастую разрозненные эпизоды.

Такая задача решается лишь при использовании возможно более общего критерия, обнимающего гражданско-правовую науку в целом и позволяющего в границах целого переносить акцент на любые частные проблемы, вокруг которых преимущественно концентрировались научные исследования того или другого исторического периода. Самым общим для цивилистической науки является учение о сущности гражданского права. Поэтому в основу периодизации ее истории и должно быть положено разграничение отдельных периодов сообразно с тем, какая именно концепция гражданского права утвердилась как господствующая в каждом из них.

Преимущества этого критерия определяются его всеобщностью, ибо совершенно исключено такое положение, когда бы господствующие взгляды на сущность конкретного гражданско-правового института противоречили столь же господствующим представлениям о природе самого гражданского права. Известно, например, что в условиях, когда многие цивилисты в трактовке гражданского права разделяли меновую концепцию, государственные юридические лица чаще всего трактовались как товарные собственники закрепленного за ними государственного имущества. И лишь после полного отказа от этой концепции начинает пробивать себе дорогу иное понимание названного конкретного правового явления. Аналогичные сдвиги переживала и эволюция взглядов на многие другие гражданско-правовые феномены, а значит, использование предлагаемого критерия позволяет применить в принципе единую периодизацию как к истории советской цивилистической мысли в целом, так и к развитию входящих в ее состав учений об отдельных гражданско-правовых институтах и отношениях.

Помимо всеобщности, указанный критерий обладает еще и тем достоинством, что с его помощью может быть прослежена зависимость периодизации истории советской цивилистической науки от исторических процессов, происходивших в советском государстве и обществе. В самом деле, какими бы недостатками ни страдало то или иное учение о сущности советского гражданского права, добиться на определенном историческом этапе преобладающих позиций в науке оно могло лишь благодаря ориентации на преобладающие явления в реальной действительности. Так было, например, при военном коммунизме, когда почти полное свертывание гражданского оборота рассматривалось как нормальное состояние для всего послереволюционного периода, или при нэпе, когда частноправовые отношения возводились в ранг единственно возможной основы формирования гражданского права в государстве диктатуры пролетариата. Если же господствующие в учении о сущности гражданского права взгляды не только опираются на реальную общественную ситуацию, но и правильно отражают ее, лишь изменение самой этой ситуации способно побудить к коррективам, вносимым в сформировавшиеся теоретические построения. И поскольку обусловленный таким учением критерий кладется в основу периодизации, она не может строиться иначе, как путем отражения важнейших этапов развития самой науки и определяющих это развитие социально значимых объективных факторов.

Сообразно со сказанным О.С. Иоффе предлагает строить периодизацию развития цивилистической мысли в СССР следующим образом:

1. От победы революции до 1921 г., когда товарные отношения свелись к предельному минимуму и широкое распространение получила идея прямого (безденежного, бестоварного) распределения, а потому потребность в гражданском праве вовсе отрицалась.

2. С 1922 по 1928 г., когда массовыми становятся частнотоварные отношения, под углом зрения которых рассматриваются и имущественные отношения с участием государственных хозяйственных организаций, не опиравшиеся еще сколько-нибудь широко на акты планирова-

ния как на свое непосредственное юридическое основание, а вследствие этого преобладающее место в науке занимала меновая концепция.

3. С 1929 по 1937 г., когда на первое место выдвигаются планово-хозяйственные отношения между социалистическими организациями и их находящаяся под воздействием плана деятельность по обслуживанию населения при одновременном вытеснении из оборота частно-товарных отношений, что послужило почвой для утверждения в науке концепции хозяйственного права.

4. С 1938 по 1955 г., когда планово-хозяйственные отношения достигают такой степени зрелости, что все более явственно обнаруживается сочетание в них плановых и стоимостных начал, приводящее к переосмысливанию роли и назначения гражданского законодательства, к отказу от концепции хозяйственного права и переходу науки на позиции учения о едином гражданском праве социалистического общества.

5. С 1956 г. и в последующие годы, когда в поисках оптимальных форм управления социалистическим хозяйством производится перестройка этого управления, которая, при всем разнообразии отдельных ее видов, преследует единую цель – превратить экономическую заинтересованность производственных коллективов в один из решающих мотивов их деятельности по выполнению народнохозяйственного плана. Это обуславливает усиление роли социалистических товарно-денежных отношений при правильном сочетании планирования с собственным почином исполнителей плана, но в то же время порождает еще более тесное, чем в предшествующие годы, органическое переплетение плановых отношений с отношениями стоимостными. В результате, наряду с упрочением теории единого гражданского права, появляются предпосылки, определенная оценка которых приводит в новых условиях к возрождению в обновленном варианте теории хозяйственного права⁴¹.

По мнению Г.И. Муромцева, специфика советских кодификаций предопределялась:

- 1) характером предшествующего (досоветского) правового развития;
- 2) характером марксистско-ленинской идеологии и ее преломления в социально-политической и правовой структурах, существовавших в СССР;
- 3) наконец, конструкцией самих кодексов и их местом в правовой и политической системах общества.

К 1917 г. фактор отсталости России как в социально-политическом, так и в правовом смыслах сохранял свое действие.

Советская власть, с одной стороны, официально отвергала старое право и старую правовую доктрину как классово неприемлемые, с другой стороны, как бы между прочим, во многом переняла старую технику, форму и структуру права, а также старый понятийный аппарат.

Будучи традиционными по форме, советские кодексы существенно отличались своим содержанием; они были инструментом социалистических преобразований. Посредством нормативных актов, не всегда называвшихся кодексами, на принципиально иной основе, нежели в буржуазных странах, регулировались сферы труда, образования, здравоохранения, социального обеспечения⁴².

Кодификация права после образования СССР происходила в основном на уровне союзных республик. На уровне Союза принимались Основные начала по отдельным отраслям права. В послевоенный период, и особенно в конце 50-х – начале 60-х гг., проходит вторая масштабная кодификация советского законодательства. В результате были приняты союзные Основы законодательства и гражданские, гражданские процессуальные, уголовные, уголовно-процессуальные кодексы в союзных республиках. Всего в 1958–1977 гг. было принято 15 Основ законодательства. Хотя и с меньшей интенсивностью, но кодификация продолжалась

---

⁴¹ http://civil.consultant.ru/elib/books/3/page_23.html

⁴² См.: Муромцев Г.И. Указ. соч. – С. 77.

и в 70–80-е гг., когда были приняты Кодекс законов о труде РСФСР (1971), Жилищный кодекс РСФСР (1983), Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (1984).

Смена социально-экономической и политической систем, образование нового Российского государства обусловили последнюю по времени кодификацию отечественного права. В 1993 г. принят Таможенный кодекс РФ. В 1994 г. была принята и вступила в силу с 1 января 1995 г. первая часть Гражданского кодекса РФ. В настоящее время уже действуют четыре части ГК РФ. Приняты также новые Семейный (1995), Водный (1995), Уголовный (1996), Уголовно-исполнительный (1997), Воздушный (1997), Лесной (1997), Градостроительный (1998) кодексы, Кодекс торгового мореплавания (1999). Кодификационные работы проводятся также на уровне субъектов РФ. В ряде из них в 90-е гг. приняты собственные жилищные (Башкортостан, Коми), водные (Башкортостан), земельные (Башкортостан, Татарстан, Карелия), лесные (Татарстан, Саратовская область), градостроительные (Томская и Мурманская области) кодексы⁴³.

Принципиальное отличие в подходах к систематизации законодательства в России и зарубежных странах, например, в XX в., пишет в связи с этим А.Н. Пилюпенко, состоит в том, что систематизация законодательства во Франции происходила и происходит по мере эволюционного накопления нормативного материала (во всяком случае, после Великой французской революции). В России же, дважды в XX столетии, полное отрицание предшествующего государственно-правового опыта в 1917 г. и коренная ломка государственно-правовых основ после 1991 г. привели к тому, что законодательное регулирование было направлено прежде всего на создание новых правовых отношений, а не на регулирование отношений по мере возникновения и развития. То есть во Франции критерии систематизации вырабатывались по мере накопления законодательного материала, тогда как в России сначала вырабатываются критерии права, в значительной части идеологизированные, а затем начинается их реализация в нормотворческой деятельности⁴⁴.

Рассмотрим теперь, какова роль кодификации в развитии законодательства. Т.Н. Рахманина в связи с этим отмечает, что кодификация как форма систематизации законодательства обладает такими качествами, как способность упорядочивать действующее законодательство, делать его более компактным, согласованным, освобождать от фактически утративших силу и недействующих правовых актов. Более того, кодификация является высшей формой систематизации законодательства, поскольку достижение указанных результатов сопровождается обновлением законодательства и по форме, и по содержанию. Кодификация непосредственно связана с установлением первичных правовых норм, с обновлением правового регулирования по существу. Именно это качество кодификации дает основание рассматривать ее как один из видов правотворческой деятельности. При этом кодификация есть наиболее совершенный вид правотворчества. Свое внешнее выражение и завершение кодификационная деятельность, как правило, находит в издании особого рода нормативных актов – кодификационных актов, занимающих особое место в системе источников права⁴⁵.

---

⁴³ <http://eyu.sci-lib.com/article0000947.html>

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. – М., 2005. – С. 12.

1.2. Место кодификации в систематизации законодательства, ее принципы и виды

Правовая наука и практика свидетельствуют, что одним из главных требований к правому регулированию является его системность. Необходимость систематизации обусловлена огромным количеством источников права. Цель систематизации заключается в устранении противоречий в правовой системе, отмене или изменении устаревших нормативных правовых актов, повышении эффективности реализации права в ходе правоприменения. В процессе систематизации осуществляется переработка и совершенствование всей системы права, ее упорядочение, устранение коллизий, недостатков, пробелов.

Систематизация законодательства может быть определена как комплекс мер, направленных на приведение нормативных правовых актов в определенную структурную упорядоченность. Систематизация представляет собой внесение в массив нормативных правовых актов порядка, размещение их в соответствии с определенным критерием. В результате систематизации законодательство в определенной мере восстанавливает свою внутреннюю структуру, гармоничность, утраченные в ходе развития и изменения, восстанавливает свои регулятивные возможности. Законодательство нуждается в периодическом проведении систематизаций различного уровня и формы.

Целью любой систематизации является облегчение участникам правореализации установления всех правовых предписаний, которыми надлежит руководствоваться, в их системе. Постоянное динамичное развитие законодательства, создание новых нормативных правовых актов, внесение изменений в уже существующие – все это создает большие трудности с выбором правомерного варианта поведения. Систематизация призвана создать определенные основания для поиска нормативных правовых предписаний, в зависимости от характера регулируемых общественных отношений. Бессистемное нагромождение нормативных правовых актов, к тому же противоречащих друг другу, не способно быть полноценным регулятором общественных отношений и может только создать у людей антипатию к закону, стремление жить не связывая свое поведение с его велениями.

Традиционно в юридической науке выделяются следующие виды систематизации:

1) *инкорпорация*, которая представляет собой размещение нормативных правовых актов в соответствии с каким-либо критерием в определенном порядке, разделение на группы (например, размещение их в хронологическом порядке по дате принятия или разделение на группы в зависимости от предмета правового регулирования). Инкорпорация основывается на внешней систематизации законодательства – его объединении в разного рода сборниках на основании определенных объединяющих признаков без изменения нормативного содержания. Официальная инкорпорация означает подготовку и издание соответствующих систематических собраний и сборников законодательства уполномоченными на то государственными органами. Это самый простой и примитивный вид систематизации законодательного массива, который не играет большой роли в облегчении поиска нужного для регулирования конкретных отношений нормативного правового предписания. Субъекты правоотношений в результате инкорпорации могут более быстро и точно отыскать подходящие для конкретного случая нормативные правовые акты, но при этом не имеют возможности оперативно определить, подлежит ли конкретный акт применению, имеет ли он законную силу, не претерпел ли изменений.

Нередко инкорпорация подкупает государственных деятелей кажущейся простотой проведения и мнимой необходимостью. В истории нашей страны предпринималось несколько попыток проведения глобальной официальной инкорпорации, которая, вероятно, представлялась как наиболее удобный, доступный и безопасный вид систематизации законодательства. В 1926 г. в СССР было принято решение о создании Систематического собрания действующих

законов, однако фактически сборник так и не был разработан (в отечественной юридической литературе высказывалось вполне обоснованное мнение о том, что составление такого официального сборника в то время было не только бессмысленным, но и невозможным)⁴⁶. В 70-х гг. XX в. были созданы Свод законов СССР и Свод законов РСФСР. Однако практическая значимость проведенной в ходе их составления titанической работы оказалась незначительной. Объединенные в этих сводах нормативные правовые акты в дальнейшем претерпели значительные изменения и не могли использоваться в ходе правореализации в том виде, в каком они излагались в этих сборниках. В соответствии с Указом Президента РФ от 6 февраля 1995 г. было признано необходимым осуществить подготовку к составлению и изданию Свода законов Российской Федерации как «официального систематизированного полного собрания действующих нормативных актов»⁴⁷

---

⁴⁶ См.: Черниловский З.М. Социалистическое право переходного периода: проблема преемственности // Советское государство и право. – 1977. – № 10. —С. 115.

⁴⁷ СЗ РФ. – 1995. – № 7. – Ст. 509.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.